

Стимулирование локального предпринимательства посредством иностранных инвестиций

Ализе Мачтама

Аспирант, alise.mactama@inbox.lv

Высшая школа бизнеса, искусств и технологий RISEBA, Латвия, Meza street 3, Riga, LV 1048, Latvia

Арнис Саука

Профессор предпринимательства и управления бизнесом, руководитель Центра устойчивого бизнеса, arnis.sauka@sseriga.edu

Стокгольмская школа экономики (Рижское отделение), Латвия, Strelnieku street 4a, Riga, LV 1002, Latvia

Аннотация

На фоне роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в последние десятилетия зарубежные инвесторы стали рассматриваться как важный фактор формирования местной предпринимательской экосистемы в странах с переходной экономикой. Цель настоящей статьи состоит в оценке уровня удовлетворенности инвесторов ключевыми факторами развития, которые положительно влияют на потенциал местного бизнеса и при этом стимулируют дополнительный приток ПИИ. Источниками эмпирических данных послужили результаты мини-опросов менеджеров 38–42 ключевых иностранных инвестиционных компаний Латвии, проведенных в 2015–2018 гг. В ходе первого раунда сбора данных были выявлены основные вызовы, с которыми сталкивается зарубежный капитал в Латвии. В рамках последующих обследований оценивался прогресс в преодолении этих вызовов и в общем развитии предпринимательской экосистемы страны.

Будучи развитой страной с переходной экономикой, Латвия сталкивается с вызовами, связанными в первую

очередь с наращиванием производительности труда и созданием добавленной стоимости, включая качество рабочей силы, эффективность управления и благоприятные налоговые режимы, а также неэтичное и незаконное поведение, доступность трудовых ресурсов и элементы неопределенности. Исследование этих аспектов предпринимательской экосистемы подтверждает затруднения, которые встречают здесь иностранные инвесторы. По их мнению, улучшение ситуации по отдельным направлениям в период 2015–2018 гг. было довольно медленным. Авторы предлагают углубленный анализ факторов, которые влияют на восприятие предпринимательской экосистемы развитой страны с переходной экономикой (Латвии) со стороны иностранных инвесторов. Были изучены и обобщены их мнения о состоянии инвестиционного климата и предложения по поддержке предпринимательской экосистемы страны. Полученные результаты помогут в разработке специальных целевых инициатив по оптимизации локальной предпринимательской среды и стимулированию притока ПИИ.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; предпринимательская экосистема; инвестиционный климат; страны с переходной экономикой

Цитирование: Mačtama A., Sauka A. (2019) Developing Local Entrepreneurship Ecosystems by Foreign Investment. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 4, pp. 35–46. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.35.46

Developing Local Entrepreneurship Ecosystems by Foreign Investment

Alise Mačtama

PhD student, alise.mactama@inbox.lv

RISEBA University College of Business, Arts and Technology; Meza street 3, Riga, LV 1048, Latvia

Arnis Sauka

Professor of Entrepreneurship and Business Management, Head of the Centre for Sustainable Business, arnis.sauka@sseriga.edu

Stockholm School of Economics in Riga; Strelnieku street 4a, Riga, LV 1002, Latvia

Abstract

The importance of foreign direct investment in transition economies has significantly increased over the last several decades. Foreign investors are recognized as important drivers shaping the local entrepreneurial ecosystem. This paper aims to explore investors' satisfaction with the factors previously identified as important for improving entrepreneurial ecosystems, that is, factors that both positively contribute to the development of local businesses as well as generate further foreign investment flow. Empirically we draw upon small case studies with managers of 38-42 key foreign investor companies in Latvia conducted in 2015, 2016, 2017, and 2018. In the first data collection wave, we identify key challenges that foreign investors face in Latvia. In the following data collection waves, we measure the development in the identified areas of concern and thus the overall entrepreneurial ecosystem of Latvia. Given that Latvia is a transition country in the advanced stage of development, the focus is on issues related to productivity and value added, including the availability

of high quality labor force, the efficiency of public sector, and favorable tax regimes as well as challenges posed by unethical and illegal behavior, labor shortages, and elements of uncertainty. Our results suggest that foreign investors see a number of challenges within the all afore-mentioned areas that are important parts of the entrepreneurial ecosystem. Moreover, our findings suggest that progress with regards to the improvement of certain areas such as those mentioned previously from the viewpoint of foreign investors, was relatively slow during the period of 2015-2018. Our key contribution is providing with an in- depth analysis of factors shaping the entrepreneurial ecosystem in an advanced transition economy-from the viewpoint of foreign direct investors. We explore investors' opinions with regard to the investment climate to summarize investors' suggestions on how the entrepreneurial ecosystem in Latvia could be further developed. Our findings provide a scope for tailor-made, targeted policy recommendations to achieve these goals.

Keywords: foreign direct investment; entrepreneurship ecosystem; investment climate; transition economies

Citation: Mačtama A., Sauka A. (2019) Developing Local Entrepreneurship Ecosystems by Foreign Investment. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 4, pp. 35-46. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.35.46

Предпринимательская экосистема крайне сложно организована, а различные ресурсы в ней дополняют друг друга. Например, предпринимательское образование может способствовать созданию капитала, который в свою очередь стимулирует реформы государственного управления [Isenberg, 2010]. Предпринимательские системы стран с переходной экономикой могут иметь свою специфику, поскольку каждая из них в советский период испытывала нехватку определенных ресурсов. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) играют важную роль в устранении такого дефицита и формировании условий для устойчивого развития предпринимательской экосистемы.

Все предпринимательские экосистемы возникают в уникальной среде, однако создание благоприятного климата для притока ПИИ зачастую определяют одни и те же факторы. В частности, поскольку многие предпринимательские экосистемы испытывают значительную зависимость от ПИИ, можно констатировать наличие положительной обратной связи между ними, сильно напоминающей усеченную модель (*truncated model*) [Mason, Brown, 2014].

Формирование устойчивой и здоровой инвестиционной среды во многих странах объявлено ключевым приоритетом [Coe, Helpman, 1994]. Не стали исключением страны, ранее находившиеся под советским контролем, лишь сравнительно недавно восстановившие независимость и движущиеся к эффективной рыночной экономике (подробнее см. [Sauka, Chepurenko, 2017]). В этой ситуации особенно важной оказывается роль ПИИ, которые дополняют недостаточные внутренние ресурсы, необходимые для закрепления прав собственности и формирования капитала. Кроме того, в качестве стабильного долгосрочного источника капитала ПИИ могут давать ощутимый импульс внедрению технологий, управленческих ноу-хау и навыков, необходимых для реструктуризации компаний в странах с переходной экономикой [Popescu, 2014]. Все эти аспекты критически важны для развития локальных предпринимательских экосистем.

Ситуация в странах с переходной экономикой (в зависимости от уровня их развития) зачастую отличается неопределенностью [Smallbone, Welter, 2006] в силу постоянного изменения формальных институтов или неоптимальной адаптации неформальных норм [North, 1990], что осложняет привлечение и удержание иностранных инвесторов. Учитывая контекстно-зависимый характер предпринимательства [Davidsson, 2004; Smallbone, Welter, 2001], вклад нашего исследования в продолжающуюся дискуссию состоит в анализе ключевых факторов развития латвийской предпринимательской экосистемы и инвестиционного климата в стране, в прошлом — части Советского Союза, а с 2004 г. — члене Европейского Союза (ЕС).

Как и во многих других странах, в Латвии иностранные инвесторы играют важную роль в развитии предпринимательской экосистемы и в экономическом развитии в целом. Согласно официальной статистике [CSB, 2017] к иностранным могут быть отнесены пятая часть всех компаний страны¹, на долю которых приходится до половины совокупного оборота всех латвийских предприятий, 27% работников и 48% всех налоговых поступлений в бюджет. По данным Банка Латвии, с 2013 г. по настоящее время приток в страну ПИИ растет относительно медленными темпами², что может объясняться неудовлетворенностью актуальных и потенциальных иностранных инвесторов такими факторами инвестиционного климата и предпринимательской экосистемы, как человеческий капитал (уровень образования и предложение рабочей силы), сервисное обслуживание (инфраструктура и т. д.), культура (социальные нормы и т. п.) [Isenberg, 2011]. Мы попытались оценить степень удовлетворенности инвесторов этими факторами, предполагая, что ее повышение в отдельных проблемных областях приведет к одновременному росту ПИИ и развитию предпринимательской экосистемы.

Источниками эмпирических данных послужили мини-обследования в форме углубленных экспертных интервью с работающими в Латвии крупными иностранными инвесторами, проведенные в 2015–2018 гг. Задачей обследований было выяснить представления респондентов об инвестиционном климате в стране³, о его положительных аспектах и возможностях улучшения.

На первом этапе сбора данных были выявлены основные препятствия, с которыми сталкиваются иностранные инвесторы в Латвии, т. е. определены потенциальные дефекты национальной предпринимательской экосистемы с точки зрения ПИИ. На следующих трех этапах оценивались позитивные сдвиги в проблемных областях (и в предпринимательской экосистеме в целом). Будучи развитой страной с переходной экономикой [Sauka, Chepurenko, 2017] и относительно зрелой рыночной системой (возможно, обязанной вступлению в ЕС и НАТО в 2004 г. и присоединению к ОЭСР в 2016 г.), Латвия создает для инвесторов ограничения прежде всего в вопросах производительности труда и формирования добавленной стоимости, включая наличие квалифицированной рабочей силы, эффективность госуправления (в частности, использование электронных инструментов коммуникаций и т. д.) и налогового режима. Наряду с этим в обследовании были затронуты проблемы неэтичного и незаконного поведения [Putnins, Sauka, 2015], доступность трудовых ресурсов и элементы неопределенности, особенно в отношении налогообложения [EBRD, 2016, 2017]. Наконец, за четыре года сбора данных в предпринимательской экосистеме небольшой и открытой латвийской экономики

¹ Под иностранными инвесторами понимаются компании с оборотом не ниже 145 тыс. евро, не менее чем на 50% принадлежащие иностранным собственникам.

² Режим доступа: <http://www.liaa.gov.lv/en/invest-latvia/investor-business-guide/foreign-direct-investment>, дата обращения: 29.05.2019.

³ Поскольку термин «инвестиционный климат» лучше подходит для внеакадемического общения, мы использовали его в качестве альтернативы более сложному термину «предпринимательская экосистема».

произошли значительные изменения в условиях работы иностранных инвесторов.

Структурно статья организована следующим образом. В первом разделе представлен обзор исследований современного состояния и динамики инвестиционного климата в различных контекстах. Сначала проанализирована литература, посвященная влиянию ПИИ на экономический рост и локальные предпринимательские экосистемы, затем резюмируются ключевые исследования стимулов, используемых для привлечения иностранных инвесторов. Далее оценивается влияние экономической среды на ПИИ и представлен краткий обзор динамики инвестиционного климата в Латвии. В третьем разделе описаны методология исследования и полученные результаты. В заключении сформулированы рекомендации по мерам политики. Представлены новейшие эмпирические данные о состоянии инвестиционного климата в Латвии, что поможет в разработке контекстно-специфичных политических инициатив по его улучшению и развитию предпринимательской экосистемы в Латвии, как и в некоторых других странах с переходной экономикой.

Концептуальная рамка

ПИИ, локальная предпринимательская экосистема и экономический рост

Дэниел Айзенберг (Daniel Isenberg) разделяет факторы, способствующие формированию благоприятной предпринимательской экосистемы, на шесть групп: (i) политические (госуправление, исследования и разработки (ИиР), лидерство), (ii) финансовые (капитал), (iii) культурные (социальные нормы, истории успеха), (iv) сервисы (неправительственные институты, специалисты по поддержке, инфраструктура, геолокация), (v) человеческий капитал (образование, кадры) и (vi) рынки (предприниматели, сети) [Isenberg, 2011]. Все эти факторы находятся между собой в формальной или неформальной взаимосвязи [Mason, Brown, 2014].

Роли ПИИ в развитии локальных предпринимательских экосистем и экономическом росте посвящены множество исследований [Blomstrom, Kokko, 2003; Gorg, Hijzen, 2004; Liu, 2008; Barbosa, Eiriz, 2009]. Однако выводы, к которым приходят их авторы, оказываются несколько противоречивыми. В частности, некоторые утверждают, что темпы экономического роста стран с относительно сильной зависимостью от иностранного капитала ниже, чем у менее зависимых. Первоначальное позитивное влияние ПИИ на рост в долгосрочной перспективе оборачивается зависимостью и негативными следствиями для экономического развития [Dixon, Boswell, 1996]. Речь идет о потенциальных претензиях иностранцев на контроль над экономической и вмешательство в вопросы национальной безопасности [Rivera-Batiz, Oliva, 2003]. Усугубить эту проблему могут такие негативные экстерналии, как безработица, сверхурбанизация и неравенство доходов [Almfraji, Almsafir, 2014].

Другие исследователи, напротив, не отмечают сколько-либо существенного влияния ПИИ и оценивают его в диапазоне от нейтрального до слабого [de Mello, 1999; Manuchehr, Ericsson, 2001; Carkovic, Levine, 2002]. При этом некоторые из них в последние годы говорят о значительном положительном эффекте ПИИ для локальной предпринимательской экосистемы. Появление новых, зачастую более качественных рабочих мест, создание ноу-хау, стимулирование инновационной деятельности и предложение высококлассных продуктов по более низким ценам, особенно если рынок позволяет инвесторам сократить затраты на производство или увеличить выпуск [Lipsey, Sjöholm, 2004], — вот главные выгоды ПИИ для местных предпринимательских экосистем. К другим преимуществам привлечения иностранных инвесторов в страну относятся расширение доступа к трудовым ресурсам, возможность повысить производительность и эффективность [Devajit, 2012], подкрепляющие несущие элементы предпринимательской экосистемы.

Факторы предпринимательской экосистемы, способствующие привлечению иностранных инвесторов

Модель, предложенная в недавней работе [Cerrato et al., 2016], позволяет оценить основные характеристики и индикаторы интернационализации компаний: с точки зрения спроса, использования зарубежных ресурсов, географического охвата, международной ориентированности, интернационализации бизнес-сети и финансовых аспектов.

Многие полагают, что ключевым фактором, определяющим выбор предпринимателей в этих областях, выступает правовая структура. Однако опыт некоторых стран с переходной экономикой показывает, что чрезмерный акцент на формальном законодательстве (наряду с недостаточным вниманием к иным важным аспектам предпринимательской экосистемы) может снизить качество инвестиционных решений. Более того, такие факторы, как стоимость ресурсов, в первую очередь рабочей силы, могут оказаться не менее значимыми, особенно для прямых иностранных инвесторов, подыскивающих место для размещения предприятий как части глобальной производственной цепочки для обслуживания мирового рынка [Bevan et al., 2004].

Ранее выполненные исследования подтверждают, что значение имеют также физические, культурные и институциональные факторы [Choi et al., 2016]. В частности, большую роль играют формальные институты, такие как стабильный банковский сектор, либерализация валютного обмена и торговли, верховенство закона [Bevan et al., 2004].

Знания потенциальных инвесторов о рынках, представляющих для них интерес, тоже причисляют к факторам, способным стимулировать инвестиции [Eriksson et al., 1997]. Одним из способов привлечения компаний, как ориентированных на международный рынок в целом, так и рассматривающих в качестве объекта инвестиций конкретную страну, служит распространение необходимой информации о ней [Fletcher, Harris, 2012].

Некоторые исследователи вводят принципиальное разграничение двух типов активов — искусственных и естественных, при этом оба типа выступают значимыми факторами развития экосистемы с точки зрения привлечения ПИИ. К искусственным активам относят факторы, непосредственно связанные с институциональной средой, а к естественным — сырье, дешевую рабочую силу и т. п. Как показано в работах [Narula, Dunning, 2000; Bevan et al., 2004], искусственные активы, как правило, играют более важную роль в принятии инвестиционных решений, чем естественные. В частности, ПИИ активнее привлекают страны с более развитой институциональной инфраструктурой [Choi et al., 2016]. Тем самым к процессу создания предпринимательских экосистем оказывается неприменима теория «колеи», поскольку развитие образования и науки, совершенствование законодательной и административной систем могут компенсировать дефицит естественных активов при формировании привлекательных условий для иностранных инвесторов, особенно в странах с переходной экономикой.

ПИИ и предпринимательские экосистемы в развитых и развивающихся странах

Страны с переходной экономикой представляют ценный и удобный объект для изучения роли развития институтов, поскольку в начале 1990-х гг. вынуждены были заново воссоздавать всю иерархию формальных и неформальных институтов [Smallbone, Welter, 2001]. Даже сегодня во многих странах СНГ и Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе в Латвии, институты сочетают в себе некоторые коммунистические черты с компонентами созданной за последние годы экосистемы, такими как частная собственность, рынки капитала, правовая и институциональная инфраструктура [Bevan et al., 2004]. Радикальные реформы практически во всех случаях обернулись первоначальным экономическим спадом разной глубины, а последующий рост был достигнут прежде всего за счет внешнего финансирования [Sauka, Chepurenko, 2017]. «Импортирована» была также значительная часть ноу-хау, зачастую в форме ПИИ, что оказало существенное положительное влияние на локальные предпринимательские экосистемы.

Вместе с тем во многих странах, включая Латвию, поток ПИИ приобрел значительные масштабы и относительно постоянный характер лишь после расширения ЕС в начале 2000-х гг., распространения многих европейских правовых норм и роста прозрачности (ключевые аспекты предпринимательской экосистемы с точки зрения западных инвесторов), а также снижения издержек для компаний, выходящих на рынки стран ЦВЕ и СНГ [Bevan et al., 2004]. Приток ПИИ стимулирует трансфер технологий из развитых стран в развивающиеся, что особенно важно в условиях переходной экономики, где компании могут извлечь выгоду из присутствия международных игроков благодаря таким факторам, как более высокий потенциал освоения, более развитые технологии и навыки маркетинга [Anwar, Nguyen, 2011].

Влиянию ПИИ на экономический рост посвящено множество исследований, но лишь немногие из них анализируют синергию деятельности иностранных инвесторов и местных компаний в странах с переходной экономикой. В работах [Giroud, Scott-Kennel, 2009; Anwar, Nguyen, 2011] показано, как этот эффект становится мощным драйвером экономического роста, способствуя развитию предпринимательских экосистем и повышая тем самым их конкурентоспособность на глобальном уровне. Местные игроки пользуются доступом к локальным ресурсам, информации и ценным кадрам, способным генерировать инновационные идеи, тогда как иностранные компании располагают значительным капиталом и потенциалом в области ИиР для развития бизнеса за рубежом. Подобная синергия не ограничивается рамками одной страны, но наблюдается сегодня и при выходе развитых экономик на новые рынки в целом.

Либерализация экономики побуждает многие компании развивающихся стран активно заимствовать технологические и управленческие знания за границей для укрепления своих конкурентных позиций [Chen et al., 2016; Chittoor et al., 2009; Elango, Pattnaik, 2007; Xu, Meyer, 2013]. К числу факторов повышения конкурентоспособности относятся более квалифицированные кадры, потенциал наращивания капиталоемкости, масштабируемость производства на основе комбинирования различных ресурсов, знания, развитие технологий и др. В совокупности они способствуют прогрессу предпринимательской экосистемы страны и позволяют компаниям, осуществляющим ПИИ, оптимизировать свой бизнес и более эффективно использовать локальные факторы. Так, изучение индонезийской экономики показывает, что иностранные предприятия функционируют продуктивнее местных [Takki, Ramstetter, 2003], а на фабриках, перешедших от местных владельцев к иностранным, заметно повышается производительность. Тем самым выгода местных фирм от ПИИ состоит в росте конкурентоспособности и производительности [Bevan et al., 2004].

Методология

В статье использованы данные мини-обследований в форме углубленных экспертных интервью с руководителями крупных иностранных компаний, инвестирующих в Латвию, в том числе с членами Совета иностранных инвесторов. Четыре раунда интервью пришлось на период с 2015 по 2018 г. В 2018 г. были проинтервьюированы представители 38 из 42 компаний, которые приняли участие в обследовании 2017 г., и двух новых. В 2015 г. были опрошены 28 руководителей, в 2016 г. — 32. В целом на долю компаний, обследованных в 2018 г. (включая филиалы), приходится более 30% совокупного объема ПИИ в Латвии, 9% налоговых поступлений в бюджет страны и 18% совокупной прибыли. На предприятиях с долей иностранных собственников не менее 50% и оборотом свыше 145 тыс. евро заняты 4% латвийских работников [CSB, 2017].

В ходе первого раунда сбора данных в 2015 г. иностранных инвесторов попросили в открытой форме

назвать 3–5 аспектов, создающих наибольшие препятствия устойчивому экономическому развитию и улучшению инвестиционного климата в Латвии, а также указать основные кратко- и долгосрочные приоритеты. Следующий вопрос звучал так: «Почему Вы инвестируете в Латвии? Что еще помимо устранения ранее названных проблем побудило бы Вас увеличить инвестиции в этой стране?» Респондентов просили по мере возможности приводить примеры, иллюстрирующие их точку зрения.

Далее инвесторам предлагали оценить главные факторы экономической конкурентоспособности Латвии из списка, составленного на основе дискуссий с членами Рабочей группы по устойчивому экономическому развитию Совета по иностранным инвестициям Латвии (Foreign Investment Council of Latvia Sustainable Economic Development Working Group, FICIL). В использованной пятибалльной шкале 1 означало, что в отношении данного фактора Латвия полностью неконкурентоспособна, 5 — высококонкурентоспособна.

В развитие результатов первого обследования в ходе трех последующих раундов (2016, 2017 и 2018 гг.) перед респондентами ставились следующие вопросы:

1. Видите ли Вы прогресс политических инициатив, нацеленных на решение основных проблем, выявленных в 2015 г.?

2. Что сделано и что, по Вашему мнению, предстоит сделать для улучшения инвестиционного климата в Латвии?

3. Появились ли какие-то новые вызовы, которые следует иметь в виду политикам?

Кроме того, респондентов спрашивали, повысилась ли, по их мнению, инвестиционная привлекательность Латвии за 12 месяцев, прошедших с момента последнего обследования; планируют ли они (и при каких условиях) увеличить инвестиции в страну. Наконец, в ходе обследования 2018 г. их просили назвать лучшие и худшие политические решения или инициативы, реализованные латвийским правительством за последние 5 лет, которые положительно либо отрицательно повлияли на бизнес-среду страны.

Оценка инвестиционного климата иностранными инвесторами в Латвии: результаты обследований 2015, 2016, 2017 и 2018 гг.

Латвийский инвестиционный климат глазами иностранных инвесторов

При оценке экономической конкурентоспособности Латвии и ее инвестиционного климата работающими в стране иностранными инвесторами основными детерминантами послужили факторы, выявленные в ходе анализа публикаций и углубленных дискуссий с членами FICIL в 2015 г. К числу таких факторов иностранные инвесторы отнесли: предложение рабочей силы; производительность труда; спрос на товары и услуги; отношение к иностранным инвесторам; качество законодательства о предпринимательстве, образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения;

«жесткую» (физическую) и «мягкую» инфраструктуру; инвестиционные стимулы и демографию. Респондентов просили также оценить уровень жизни в Латвии. Все эти факторы выступают важными компонентами предпринимательской экосистемы.

В ходе обследования 2015 г. каждый из индикаторов — потенциальных драйверов экономической конкурентоспособности Латвии был предложен для оценки 28 случайно выбранным иностранным инвесторам. Вместе с представителями четырех других компаний они оценили эти индикаторы и в 2016 г., а в обследовании 2017 г. приняли участие еще 10 компаний. В 2018 г. были проинтервьюированы 38 из 42 участников обследования 2017 г. и две новые компании.

Респондентов просили оценить предложенные факторы по пятибалльной шкале, где 1 означало отсутствие конкурентоспособности, а 5 — максимальный ее уровень. Одни индикаторы включали единственный компонент, другие — несколько. Для каждого индикатора было рассчитано среднее арифметическое значение. В 2015 г. большинство предложенных индикаторов оценили 26 из 28 инвесторов; в ходе обследований 2016, 2017 и 2018 гг. активное участие в оценке приняли все 32, 42 и 40 респондентов соответственно (табл. 1).

Во всех четырех обследованиях действующие в Латвии иностранные инвесторы оценили большинство потенциальных драйверов экономического роста выше среднего. Как и в предшествующие годы, в 2018 г. они выразили удовлетворение «мягкой» инфраструктурой, измеренной через «бизнес-культуру в Латвии» (3.5 в 2018 г. и 3.4 — в 2015–2017 гг.) и «спрос на продукты и услуги» (3.4 в 2018 и 2017 гг.), тогда как «отношение к иностранным инвесторам» в 2018 г. было оценено в 3.6 балла (3.1 в 2017 г. и 3.2 — в 2015 и 2016 гг.) — наивысший уровень для всех четырех раундов сбора данных. Менее всего инвесторы удовлетворены «демографией»: оценка этого фактора снижалась в 2015–2017 гг. (2.0 в 2015 г., 1.8 — в 2016 г. и 1.6 — в 2017 г.), но слегка выросла в 2018 г. (1.7).

Оценка «качества систем здравоохранения и социального обеспечения» в 2018 г. увеличилась по сравнению с 2015–2017 гг. (2.6 в 2015 г., 2.5 — в 2016 г. и 2017 г., 2.9 — в 2018 г.). Однако «производительность труда» в 2018 г. инвесторы оценили ниже, чем в 2017 (2.9 и 3.1 соответственно), а «предложение труда» — на уровне 2017 г. (2.7). Ухудшилось значение компонента «наличие кадров рабочих профессий» (с 2.5 в 2017 г. до 2.3 — в 2018 г.), а «качество законодательства о бизнесе» и «стимулы для инвестирования» инвесторы оценили в 2018 г. так же, как и в 2017 г. (3.2 и 2.8 соответственно).

Оценка «жесткой» инфраструктуры уменьшилась с 3.4 в 2017 г. до 3.2 — в 2018 г. вслед за ухудшением мнений об «энергетических ресурсах» (3.0 в 2018 г. и 3.4 в 2017 г.) и «низких производственных издержках» (2.9 в 2018 г. и 3.2 в 2017 г.). «Качество образования и науки», по данным опросов, незначительно снизилось (с 3.1 в 2017 г. до 3.0 в 2018 г.) после роста с минимальных 2.6 в 2016 г. до 3.1 — в 2017 г. Наконец, в 2018 г. инвесторы оценили уровень жизни в Латвии в 3.9 баллов, что на

Табл. 1. Удовлетворенность иностранных инвесторов факторами, определяющими приток иностранных инвестиций и качество предпринимательской экосистемы, 2015–2018 гг.

	2015	2016	2017	2018
Число наблюдений (n)	28	32	42	40
«Мягкая» инфраструктура	3.4	3.4	3.4	3.5
бизнес-культура в Латвии	3.4	3.4	3.4	3.5
Производительность труда	3.2	3.2	3.1	2.9
Отношение к иностранным инвесторам	3.2	3.2	3.1	3.6
Стимулы для инвестирования	2.8	2.8	2.8	2.8
Качество законодательства о бизнесе	3.2	3.1	3.2	3.2
монетарная политика	4.0	4.1	3.9	3.7
налоговая система	3.1	2.8	2.8	3.1
правовая система	2.6	2.6	2.8	2.9
«Жесткая» инфраструктура	3.2	3.3	3.4	3.2
оборона	3.4	3.6	3.6	3.6
низкие производственные издержки	3.3	3.2	3.2	2.9
инфраструктура (дороги, энергоснабжение и др.)	3.1	3.1	3.3	3.2
энергетические ресурсы	2.8	3.3	3.4	3.0
Спрос на продукты и услуги	3.1	3.1	3.4	3.4
внутренний спрос	2.8	2.6	2.9	2.8
внешний спрос (экспорт)	3.3	3.3	3.7	3.8
отраслевые традиции	3.4	3.5	3.5	3.6
Предложение труда	3.0	3.1	2.7	2.7
наличие управленческих кадров	3.4	3.5	2.9	3.0
наличие кадров рабочих профессий	2.7	2.8	2.5	2.3
Качество образования и науки	2.8	2.6	3.1	3.0
образование и наука/инновационная деятельность	2.8	2.6	3.1	3.0
Качество здравоохранения и социального обеспечения	2.6	2.5	2.5	2.9
система здравоохранения	2.5	2.4	2.4	2.7
система социального обеспечения	2.8	2.5	2.6	3.0
Демография	2.0	1.8	1.6	1.7
демография (прирост населения)	2.0	1.8	1.6	1.7
Уровень жизни в Латвии	3.4	3.9	3.7	3.9
<i>Примечание:</i> факторы оценивались по шкале от 1 до 5, где 1 означает отсутствие конкурентоспособности, а 5 — очень высокую конкурентоспособность.				
<i>Источник:</i> расчеты авторов				

0.2 выше показателя 2017 г. и совпадает с оценкой 2016 г. (см. табл. 1).

Повышение степени удовлетворенности названными факторами в стране, подобной Латвии, потенциально стимулирует и подкрепляет участие иностранных инвесторов в ее предпринимательской экосистеме. Значение этого обстоятельства трудно переоценить, поскольку инвесторы обычно ретранслируют свой опыт и активы в рамках менторства, инвестиций в капитал и серийного предпринимательства [Mason, Brown, 2014].

Привлекательность латвийского инвестиционного климата

Одна из главных целей нашей работы состояла в измерении прогресса в развитии инвестиционного климата в Латвии. Для этого в ходе обследования 2018 г. (как и в 2016–2017 гг.) инвесторов просили оценить рост инвестиционной привлекательности страны за прошедшие 12 месяцев. Использовали пятибалльную шкалу, где 1 —

инвестиционная привлекательность не увеличилась, 2 — увеличилась незначительно, 3 — некоторые позитивные сдвиги, 4 — инвестиционная привлекательность определенно повысилась, 5 — значительно улучшилась.

На вопрос ответили все 40 респондентов, в большинстве случаев оценив рост инвестиционной привлекательности Латвии на уровне 2 (незначительное улучшение) или 3 (некоторые позитивные сдвиги). Поскольку 5 баллов не поставил никто, показатель прогресса инвестиционного климата страны за прошедший год в среднем составил 2.5 балла, что соответствует значению за предыдущий год и на 0.5 превышает уровень 2016 г. (табл. 2).

Отметим, что от привлекательности предпринимательской экосистемы зависит интерес к ней со стороны крупных и международных компаний, критически важный для ее развития. Даже скромное улучшение способно вызвать рост инвестиций в страну и связанные с ними экстерналии, такие как рост занятости, повышение квалификации персонала и возникновение различ-

Табл. 2. Улучшение инвестиционного климата в Латвии за прошедшие 12 месяцев: обследования 2016, 2017 и 2018 гг.

Год	Число наблюдений	Оценка
2018	40	2.5
2017	42	2.5
2016	32	2.0

Примечание: прогресс оценивался по шкале от 1 до 5, где 1 означает отсутствие прогресса, а 5 — существенный прогресс.

Источник: расчеты авторов.

ных спиоффов, порождающих новые коммерческие возможности для местных предприятий. В конечном счете все это служит дальнейшему прогрессу национальной предпринимательской экосистемы [Mason, Brown, 2014].

Главные вызовы для иностранных инвесторов в Латвии: прогресс или регресс?

В круг основных вызовов, с которыми в ходе своей деятельности сталкиваются иностранные инвесторы в Латвии, в ходе обследований 2015 и 2016 гг. вошли демография, доступность трудовых ресурсов, уровень развития образования и науки, качество законодательства о бизнесе, налоговое регулирование, государственная поддержка и «джиар», неэтичное или незаконное поведение предпринимателей, недобросовестная конкуренция, неопределенность, система правосудия и здравоохранения в Латвии. В ходе обследования 2018 г. мы спросили 40 крупнейших иностранных инвесторов, улучшилась ли, по их мнению, ситуация в этих областях за прошедшие 12 месяцев (рис. 1а; для сравнения на рис. 1б представлены результаты обследования 2017 г.).

Как показано на рис. 1б, обследование иностранных инвесторов в 2017 г. не выявило никакого прогресса в преодолении нехватки трудовых ресурсов. Напротив, в 2018 г. эта проблема лишь усугубилась, тогда как ситуация с демографией и в системе здравоохранения несколько улучшилась: значительно больше инвесторов отметили по крайней мере «частичный» прогресс в этих областях по сравнению с 2017 г.

Значительная часть респондентов остались не удовлетворены также прогрессом в преодолении неопределенности: 22 инвестора не заметили положительной динамики в этой области ни в 2018, ни в 2017 г. Далека от благополучной, по их мнению, и ситуация в сфере правосудия и качества законодательства о бизнесе, однако достигнутый в 2018 г. прогресс был оценен несколько выше, чем в 2017 г.

Оценки прогресса в совершенствовании налоговой системы в 2018 г. немного повысились по сравнению с обследованием 2017 г. (отмечено по крайней мере «частичное» улучшение). Несколько большее число инвесторов в 2018 г. заявили об исправлении ситуации с неэтичным или незаконным поведением предприни-

мателей и недобросовестной конкуренцией, чем за год до этого, хотя, по мнению примерно половины из них, в 2018 г. никакого прогресса в этой сфере достигнуто не было (см. рис. 1).

Наконец, примерно равные доли респондентов указали на позитивные сдвиги в отношении государственной поддержки и «джиара» в 2017 и 2018 гг., выразившись в «частичном» прогрессе, или на полное их отсутствие на протяжении предшествующих 12 месяцев.

Три главных вызова: проблемы и решения

Среди отмеченных респондентами опросов 2015–2017 гг. барьеров выделяются: (1) доступность и качество трудовых ресурсов Латвии, (2) коррупция в государственном секторе и теневая экономика, (3) неэффективность совершенствования бизнес-среды органами власти. Нестрашно именно на этих вопросах мы сосредоточились в ходе обследования 2018 г., попросив 40 крупнейших иностранных инвесторов прокомментировать эти проблемы и, что более важно, предложить возможные пути их преодоления. Основные результаты представлены далее.

Доступность и качество трудовых ресурсов, включая уровень образования и науки, с точки зрения повышения производительности труда

Некоторые респонденты отметили рост качества рабочей силы, улучшение состояния образования и науки, однако нижеприведенные цитаты свидетельствуют о том, что эти проблемы остаются для страны крайне актуальными.

«В Латвии доступность кадров остается проблемой, для решения которой ничего не делается. Похоже, правительство просто не хочет ее признавать» (сотрудник консалтинговой ИТ-компании).

«Мы готовимся к тому, что кадровая ситуация станет еще хуже, дефицит низкоквалифицированных работников усугубится, а затраты на них повысятся» (сотрудник компании розничной торговли и услуг).

«За последние несколько лет ничего всерьез не изменилось. Насчет качества в целом все в порядке. Главная проблема — производительность» (сотрудник компании оптовой и розничной торговли).

«Жаловаться на нехватку низкоквалифицированных кадров, на самом деле, не приходится, но вот качество образования в Латвии — это проблема, справиться с которой довольно сложно. Наблюдаются любопытные сдвиги в этой сфере, но заметного улучшения пока не произошло» (сотрудник консалтинговой ИТ-компании).

Иностранные инвесторы предложили возможные меры преодоления дефицита и низкого качества рабочей силы.

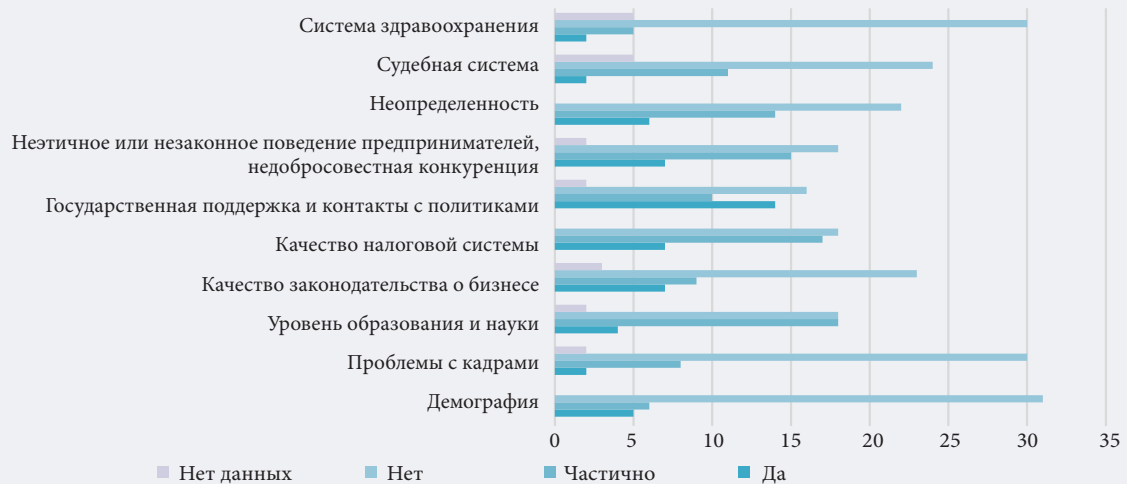
«Что касается доступности и качества кадров, можно предложить два пути улучшения ситуации:

Рис. 1. Оценка иностранными инвесторами прогресса в области проблемных факторов, выявленных в ходе обследований в 2015 и 2016 гг., за прошедшие 12 месяцев

а) результаты обследования 2018 г. (n = 40)

б) результаты обследования 2017 г. (n = 42)

Примечание: респондентов просили оценить наличие прогресса в решении указанных проблем, ответив «да», «частично» или «нет». Источник: расчеты авторов.

1. Выбор карьеры до ее начала.

Важно поощрять учащихся к тому, чтобы они рассматривали и сознавали имеющиеся возможности продолжения образования и дальнейшей работы по разным специальностям. Тем самым удастся снизить число работников, ошибившихся в выборе профессии.

2. Качество и практика высшего образования.

Необходимо проработать механизмы поддержки региональной мобильности, включая жилье и транспорт, а также стимулировать территориальное развитие через укрепление региональных центров. Не знаю, оценивались ли результаты создания безналоговых зон. Возможно, стоит использовать другие стимулы для бизнеса» (сотрудник компании розничной торговли и сферы услуг).

«Нужно открыть границы как для квалифицированных, так и для неквалифицированных работников, пока есть такие возможности. В противном случае скоро мы сами будем мыть в ресторанах посуду после обеда» (сотрудник компании в секторе финансовых и банковских услуг).

В вопросе повышения качества трудовых ресурсов прозвучали следующие предложения.

«В образовательном секторе налицо тенденция к сегментации и неравенству, чреватая негативными последствиями для столь маленькой страны. Позитивный курс на оптимизацию следует распространить и на сегмент высшего образования» (сотрудник компании в секторе финансовых и банковских услуг).

«Важно развивать технологические и инженерные исследования в Латвии, разрабатывать образовательные программы совместно с местными работодателями и рассматривать разумные возможности для миграции работников» (сотрудник промышленной компании).

«Огромная проблема — это больничные листы; необходимо лучше контролировать, кто и на каких условиях их выписывает. Работники ими злоупотребляют, и подозреваю, что не все врачи чистоплотны в этом вопросе» (сотрудник промышленной компании).

«Упростить процедуры импорта высококвалифицированных работников» (сотрудник консультационной ИТ-компании).

Высшее образование действительно оказывается ключевым фактором устойчивости предпринимательской экосистемы. Особенно важно стимулировать вузовские ИиР для создания прорывных технологий и генерации инновационных идей, способствующих количественному и качественному развитию предпринимательства [Carvalho et al., 2010]. Заметную роль играет также обмен знаниями между промышленностью и наукой [Etzkowitz, 2008]. Результаты нашего исследования показывают, что ресурсы дальнейшего повышения качества образования и науки, активизации участия в ИиР и сотрудничества с различными заинтересованными сторонами пока не исчерпаны.

Коррупция в государственном секторе и теневая экономика

В целом, по мнению иностранных инвесторов, ситуация в этом отношении исправляется, хотя многое еще предстоит сделать. В ходе взятых в 2018 г. интервью были предложены следующие шаги.

«Сегодня в нашей стране такое ощущение, что если нарушишь закон, наказания не будет» (сотрудник компании в секторе финансовых и банковских услуг).

«Были приняты некоторые меры, и мы видим результаты. Однако при этом не хватает прозрачности при их принятии и реализации с конкретными примерами: что сделано и что достигнуто» (сотрудник компании розничной торговли и услуг).

«Единственное, что остается, — обращаться в суд. Если же и суды коррумпированы, то дело совсем плохо. Сама собой она [коррупция] не исчезнет» (сотрудник консалтинговой ИТ-компании).

«Ситуация изменится, когда сменится поколение. Сейчас лучше, чем было 20 лет назад. Нынешнее поколение и новые политики, которых мы видели на последних выборах, ведут себя честнее. Бюро по предотвращению коррупции работает лучше, Служба государственных доходов тоже: механизмы контроля совершенствуются. Но коррупция сохраняется» (сотрудник риелторской компании).

«Небанковское кредитование и “займы до получки” получили в Латвии огромное распространение и пользуются политической поддержкой. Это ненормально. Сотни тысяч некредитоспособных людей получают кредиты. Неужели мы действительно хотим “подса-

дить” 25-летних на эту иглу?» (сотрудник компании в секторе финансовых и банковских услуг).

Неэффективность совершенствования бизнес-среды государственными органами Латвии

Иностранные инвесторы часто говорят о низкой эффективности работы государственных органов Латвии по совершенствованию бизнес-среды, о чем свидетельствуют результаты всех четырех раундов интервью. В ходе обследования 2018 г. инвесторы также упомянули связанные с этим вызовы.

«Похоже, главной проблемой бизнес-среды в Латвии остается бюрократия. Все могут инвестировать в стране, но надо быть готовыми ко множеству бюрократических препон» (сотрудник компании в секторе финансовых и банковских услуг).

«Что для Латвии важно, так это развивать автоматизацию и цифровизацию. ИТ помогут повысить эффективность. Прекрасный пример — Эстония» (сотрудник консалтинговой ИТ-компании).

«Здесь очень многое можно улучшить. Если вы что-то строите в Риге, придется потратить массу времени и сил, чтобы получить разрешение на строительство. Некоторые латвийские государственные учреждения должны ответить на обращение в течение 30 дней, но после этого начинается какой-то пинг-понг, причем они никогда не торопятся отвечать на вопросы компаний. Выдача разрешений на строительство организована совершенно неэффективно. 30 дней — максимальный срок для ответа, а они считают его минимальным» (сотрудник компании розничной торговли и сферы услуг).

Для повышения эффективности работы латвийских госорганов предлагаются следующие шаги.

«Структурные реформы всего государственного сектора: пересмотр существующих направлений деятельности, разработка максимально эффективных, клиентоориентированных процедур, тотальная цифровизация» (сотрудник компании в сфере сертификации и консалтинга).

«Взаимодействие министерств организовано крайне плохо, его необходимо оптимизировать. Создается впечатление, что правительство и законодатели в Латвии действуют по принципу “держи вора!” Мне кажется, я не заслужил такого отношения» (сотрудник компании в секторе финансовых и банковских услуг).

«Государственный сектор остается большей частью неэффективным. Насколько нам известно, главная причина — отсутствие квалифицированных кадров, готовых в нем работать, а с другой стороны — неповоротливость рынка, т. е. долгий срок внедрения новых технологий, подходов и идей» (сотрудник компании розничной торговли и услуг).

«Главная проблема с цифровизацией в том, что мы пытаемся цифровизировать коррумпированную среду, и мало кто это поддерживает, что тормозит весь процесс. Например, государственные закупки зачастую осуществляются с учетом следующих выборов, т. е. во главу угла ставятся не интересы государства, а скорее

количество голосов. Нужно повышать прозрачность» (сотрудник промышленной компании).

Результаты нашего исследования свидетельствуют также, что для стимулирования развития предпринимательской экосистемы правительство может использовать разные инструменты и механизмы. В частности, это совершенствование законодательства и нормативно-правовой базы, системы налогообложения, защиты прав работников, процедуры банкротства, процесса создания бизнеса, образования, информирования, доступа к финансам и финансовой поддержки, технологического обмена и сетевого взаимодействия. Кроме того, акцент в политике стимулирования может сместиться со снижения уровня безработицы на подготовку кадров необходимой квалификации, дабы иностранные компании могли больше инвестировать и тем самым повысить свой вклад в развитие предпринимательской экосистемы [Fuerlinger et al., 2015].

Заключение

Цель настоящей статьи состояла в оценке инвестиционного климата и предпринимательской экосистемы Латвии с инвестиционной точки зрения на базе концептуальной схемы и эмпирических данных, полученных в ходе интервью с ключевыми иностранными инвесторами в Латвии в 2015–2018 гг. Результаты обследования 2018 г. показывают, что, по мнению иностранных инвесторов, инвестиционная привлекательность страны за прошедший год осталась на прежнем уровне. Оценка политических усилий по улучшению инвестиционного климата в Латвии также не изменилась по сравнению с 2017 г. Общий вывод заключается в том, что сохраняется значительный потенциал как для активизации политических инициатив, так и для улучшения инвестиционного климата.

Как и в ходе обследований 2016 и 2017 гг., иностранных инвесторов просили оценить прогресс в решении ключевых проблем, выявленных еще в 2015 г. Результаты обследования 2018 г. свидетельствуют, что по сравнению с предшествующим годом несколько улучшилась ситуация в области демографии и системы здравоохранения: значительно большее число инвесторов отметили как минимум «частичный» прогресс в этих сферах.

Библиография

- Almfraji M.A., Almsafir M.K. (2014) Foreign direct investment and economic growth, literature review from 1994 to 2012 // *Social and Behavioral Sciences*. Vol. 129. P. 206–213.
- Anderson E., Gatignon H. (1986) Modes of entry: A transactions cost analysis and propositions // *Journal of International Business Studies*. Vol. 17. № 3. P. 1–26.
- Anwar S., Nguyen L.P. (2011) Foreign direct investment and export spillovers: Evidence from Vietnam // *International Business Review*. Vol. 20. P. 177–193.
- Barbosa N., Eiriz V. (2009) Linking corporate productivity to foreign direct investment: An empirical assessment // *International Business Review*. Vol. 18. P. 1–13.
- Bevan A., Estrin S., Meyer K. (2004) Foreign investment location and institutional development in transition economies // *International Business Review*. Vol. 12. P. 43–64.
- Blomstrom M., Kokko A. (2003) The Economics of Foreign Direct Investment Incentives // *Foreign Direct Investment in the Real and Financial Sector of Industrial Countries* / Ed. H. Herrmann. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer. P. 37–60.
- Carkovic M., Levine R. (2002) Does Foreign Direct Investment Accelerate Economic Growth? University of Minnesota Working Paper. Minneapolis, MN: University of Minnesota.

В более ранних обследованиях подобные оценки звучали заметно реже. Однако проблема доступности трудовых ресурсов в 2018 г. стала острее, чем в 2017 г.

Иностранные инвесторы не удовлетворены прогрессом в отношении снижения неопределенности. Ситуация с судебной системой и качеством законодательства о предпринимательской деятельности, по их мнению, все еще далека от удовлетворительной, но в 2018 г. была оценена несколько выше, чем в 2017 г. Наконец, чуть больше иностранных инвесторов в 2018 г. отметили прогресс по части снижения уровня неэтичного или незаконного поведения предпринимателей и недобросовестной конкуренции по сравнению с 2017 г.

Подводя итог, можно сказать, что из всех проблем, выявленных в ходе обследований 2015, 2016 и 2017 гг., особо выделяются: (1) низкие доступность и качество трудовых ресурсов в Латвии, (2) коррупция в государственном секторе и теневая экономика, и (3) неэффективность усилий государственных органов по улучшению бизнес-среды.

По-видимому, факторы, побуждающие выбирать Латвию объектом инвестиций, близки к тем, которые определяют развитие устойчивой предпринимательской экосистемы. Для ее создания (и тем самым для повышения инвестиционной привлекательности Латвии) из шести групп факторов, предложенных в работе [Isenberg, 2011], особого внимания заслуживают те, которые связаны с политикой, человеческим капиталом и развитием рынка. В данном контексте крайне важно следовать единой стратегии для всей страны, а не создавать разные условия в каждом регионе и городе.

Полагаем, наши выводы открывают возможности для дальнейших исследований. Можно глубже проанализировать незадействованный потенциал повышения общей конкурентоспособности, в том числе путем дальнейшего улучшения бизнес-климата в странах СНГ и ЦВЕ, включая Латвию. Это значит, что деятельность местных фирм должна стать фактором, стимулирующим приток ПИИ, при заимствовании опыта друг у друга. Также не хватает исследований, в которых местные и иностранные компании стран ЦВЕ и СНГ сравнивались бы с точки зрения их роли в формировании предпринимательской экосистемы.

- Carvalho L., Costa T., Dominguihos P. (2010) Creating an entrepreneurship ecosystem in higher education // *New achievements in technology education and development* / Ed. S. Soomro. New York: InTech. P. 1–20. Режим доступа: <https://www.intechopen.com/books/new-achievements-in-technology-education-and-development/creating-an-entrepreneurship-ecosystem-in-higher-education>, дата обращения 23.03.2019.
- Cerrato D., Crosato L., Depper D. (2016) Archetypes of SME internationalization: A configurational approach // *International Business Review*. Vol. 26. P. 286–295.
- Chen P., Danchi T., Jean R.B. (2016) Foreign knowledge acquisition through inter-firm collaboration and recruitment: Implications for domestic growth of emerging market firms // *International Business Review*. Vol. 25. P. 221–232.
- Chittoor R., Sarkar M.B., Ray S., Aulakh P.S. (2009) Third-world copycats to emerging multinationals: Institutional changes and organizational transformation in the Indian pharmaceutical industry // *Organization Science*. Vol. 20. № 1. P. 187–205.
- Choi J.J., Lee S.M., Shoham A. (2016) The effects of institutional distance on FDI inflow: General environmental institutions (GEI) versus minority investor protection institutions (MIP) // *International Business Review*. Vol. 25. P. 114–123.
- Coe D.T., Helpman E. (1994) International R&D spillovers // *European Economic Review*. Vol. 39. P. 859–887.
- CSB (2017) Statistical Yearbook of Latvia 2017. Riga: Central Statistical Bureau of Latvia.
- Davidsson P. (2004) *Researching Entrepreneurship*. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer.
- De Mello L.R. (1999) Foreign direct investment-led growth: Evidence from time series and panel data // *Oxford Economic Papers*. Vol. 51. № 1. P. 133–151.
- Devajit M. (2012) Impact of Foreign Direct Investment on Indian economy // *Research Journal of Management Sciences*. Vol. 1. № 2. P. 29–31.
- Dixon W.J., Boswell T. (1996) Dependency, disarticulation, and denominator effects: Another look at foreign capital penetration // *American Journal of Sociology*. Vol. 102. № 2. P. 543–562.
- EBRD (2016) EBRD transition report 2015-16. Rebalancing finance. London: European Bank of Reconstruction and Development.
- EBRD (2017) EBRD transition report 2016-17. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. London: European Bank of Reconstruction and Development.
- Elango B., Pattnaik C. (2007) Building capabilities for international operations through networks: A study of Indian firms // *Journal of International Business Studies*. Vol. 38. № 4. P. 541–555.
- Eriksson K., Johanson J., Majkgard A., Deo Sharma D. (1997) Effect of Variation on Knowledge Accumulation in the Internationalization Process // *International Studies of Management and Organization*. Vol. 30. № 1. P. 26–44.
- Etzkowitz H. (2008) *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation in Action*. London: Routledge.
- Fletcher M., Harris S. (2012) Knowledge acquisition for the internationalization of the smaller firm: Content and sources // *International Business Review*. Vol. 21. № 4. P. 631–647.
- Fuerlinger G., Fandl U., Funke T. (2015) The role of the state in the entrepreneurship ecosystem: Insights from Germany // *Triple Helix*. Vol. 2. № 1. Art. 3. Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s40604-014-0015-9>, дата обращения 14.05.2019.
- Giroud A., Scott-Kennel J. (2009) MNE linkages in international business: A framework for analysis // *International Business Review*. Vol. 18. P. 555–566.
- Gorg H., Hijzen A. (2004) Multinationals and productivity spillovers. GEP Research Paper 04/41. Nottingham: University of Nottingham.
- Isenberg D.J. (2010) How to start an entrepreneurial revolution // *Harvard Business Review*. Vol. 88. № 6. P. 41–50.
- Isenberg D.J. (2011) Introducing the Entrepreneurship Ecosystem: Four Defining Characteristics // *Forbes*. 25.05.2011. Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/danisenberg/2011/05/25/introducing-the-entrepreneurshipecosystem-four-defining-characteristics/>, дата обращения 17.04.2019.
- Lipse R.E., Sjolholm F. (2004) Host country impacts of inward FDI: Why such different answers? EIJ Working Paper 192. Stockholm: Stockholm School of Economics.
- Liu Z. (2008) Foreign direct investment and technology spillovers: Theory and evidenc // *Journal of Development Economics*. Vol. 85. P. 176–193.
- Manuchehr I., Ericsson J. (2001) On the causality between foreign direct investment and output: A comparative study // *The International Trade Journal*. Vol. 15. № 1. P. 1–26.
- Mason C., Brown R. (2014) Entrepreneurial ecosystems and growth orientated entrepreneurship. Background paper prepared for the workshop organised by the OECD LEED Programme and the Dutch Ministry of Economic Affairs. Paris: OECD.
- Narula R., Dunning J.H. (2000) Industrial development, globalization and multinational enterprises: New realities for developing countries // *Oxford Development Studies*. Vol. 28. № 2. P. 141–167.
- North D. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Popescu G.H. (2014) FDI and Economic Growth in Central and Eastern Europe // *Sustainability*. Vol. 6. P. 8149–8163.
- Putnins T., Sauka A. (2015) Measuring the shadow economy using company managers // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. P. 471–490.
- Rivera-Batiz A.L., Oliva M. (2003) *International trade, theory, strategies and evidence*. New York: Oxford University Press.
- Sauka A., Chepurenko A. (2017) (eds.) *Entrepreneurship in transition economies. Diversity, trends and perspectives*. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer.
- Smallbone D., Welter F. (2001) The distinctiveness of entrepreneurship in transition economies // *Small Business Economics*. Vol. 16. № 4. P. 249–262.
- Smallbone D., Welter F. (2006) Conceptualising entrepreneurship in a transition context // *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. Vol. 3. № 2. P. 190–206.
- Takki S., Ramstetter E.D. (2015) Exporting and foreign ownership in Indonesian manufacturing, 1990–2000 // *Ekonomi dan Keuangan Indonesia*. Vol. 54. № 3. P. 315–343. DOI: 10.7454/efi.v54i3.102.
- Xu D., Meyer K.E. (2013) Linking theory and context: ‘Strategy research in emerging economies’ after Wright et al. (2005) // *Journal of Management Studies*. Vol. 50. P. 1322–1346.